

КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВОВѢДНІЯ ¹⁾.

8.

Ваше Сіятельство!
Любезнѣйшіи другъ Михаилъ Владиміровичъ!
Христось Воскресе!

Наконецъ я дома, и нынѣ съ родными ваіями встрѣчалъ входящаго въ Іерусалимъ Іисуса и пѣлъ осанна сыну Давидову на землѣ своей. Въмѣсто тѣхъ ужасовъ наводненія, которыми вы пугали робкое мое воображеніе, и вмѣсто непроходимыхъ безднъ, которыя вы разверзали на пути моемъ для погложенія меня, я нашель дорогу не затруднительною и не опасною, но довольно удобною, и, даже могу сказать, пріятною. Правда, что нѣсколько обрыхлѣла дорога: но развѣ однимъ вѣтроногимъ Гомеровымъ конямъ представлено летѣть по вершинамъ златоволнующихся гибкихъ плассовъ, не нагибая и не подавляя ихъ? И моя пара удалыхъ, подъ сѣнію непрестанно поднимавшихся и исчезающихъ облаковъ пара, при неумолимомъ звячаніи заливавшегося Валдайскаго колокола, какъ двонца быстропарныхъ гусей, неслась не касаясь пуха рыхлой дороги. Деревни, версты и указательныя вѣшки мелькали мимо меня, и я только боялся того, чтобы не оставить позади себя синѣвагося вдаль небосклона и чрезъ то не потерять надежды видѣть край родимой. Словомъ я чувствовалъ себя новымъ Фарисомъ ²⁾ Мицкевича. Съ исчезающихъ равнинъ снѣга

¹⁾ Продолженіе См Сентабрскую книжку Богословскаго Вѣстника стр 117—135.

²⁾ Фарисъ—название арабскаго наездника Подъ этимъ названіемъ у Мицкевича—польскаго поэта, есть стихотвореніе въ родѣ поэмъ

не суровая зима махала ко мнѣ въ кибитку косматымъ рукавомъ, но благодатная весна вѣяла кроткимъ дыханіемъ прохлады. И чемъ ближе къ Дмитрову (не подумайте, чтобы я отдавалъ сіе преимущество Дмитрову единственно по внушенію физической любви къ родинѣ, которая и для Лапландца, рожденнаго почти въ гробъ природы, претворяетъ хладный мракъ земли въ благословенное счастье береговъ Италіи; нѣтъ! я говорю какъ путешественникъ—наблюдатель), тѣмъ ощутительнѣе благотворное дѣйствіе всеоживляющей весны. Окрестности Дмитрова не представляютъ болѣе необозримыхъ снѣжныхъ степей, но по многимъ мѣстамъ пестрѣютъ и красуются проталинками, надъ коими вьющіяся жаворонки въ невидимомъ пространствѣ весело привѣтствуютъ возвращеніе весны. Наконецъ самый Дмитровъ избранъ весною какъ бы въ магазинъ, откуда она расточаетъ въ окружающія мѣста сокровища свои; здѣсь почти все растаяло и валь, служившій нѣкогда боинницею противъ вѣроломнаго Сармата ¹⁾, а нынѣ служащій мѣстомъ гулянья для жителей Дмитрова, призываетъ на зеленѣющую высоту свою для немокренной прогулки. Впрочемъ Яхрома еще не стряхнула съ себя ледяныхъ оковъ. Но скоро, скоро воспыхнетъ бурнымъ гнѣвомъ, сокрушитъ ихъ и какъ благотворный Нилъ напоитъ питательными и жизненными водами долины наши.

Послѣ сего поздравляю васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Желаю отъ всего сердца моего, исполненнаго къ вамъ искреннюю любовію, провести его во всякой радости, во всякомъ веселіи и благополучіи

Засимъ честь имѣю пребыть

Вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Иванъ Платоновъ.

1829-го года

Апрѣля 1 д

Дмитровъ.

¹⁾ Сарматы—названіе древняго народа, занимавшаго страну между Вислой и Волгой (сарматскую низменность). Сарматы вели кочевой образъ жизни и славились какъ ловкіе наѣзники и мѣткіе стрѣлки изъ лука Въ III и IV в. по Р. Хр царство ихъ было сокрушено готами Въ настоящемъ случаѣ названіе Сарматъ употреблено въ переносномъ смыслѣ: имъ названъ здѣсь или Батый, сжегшій Дмитровъ въ 1237 г

9.

Ваше Сіятельство!
Милостивая Государыня!

Приближающийся свѣтлый праздникъ Воскресенія Христа доставляетъ намъ удовольствіе писать къ Вамъ, исполняя—отнюдь не свѣтскій обычай, но истинно-христіанское обыкновеніе, для сердца любообщительнаго драгоценное. Сердечное желаніе блага есть самое естественное выраженіе сердечной преданности; а для выраженія благихъ желаній нѣтъ лучше, нѣтъ торжественнѣе случая, какъ Христіанскій Праздникъ—торжество любви. Желаемъ сердечно, да оное слово Спасителя воскресшаго: радуітесь! проліется Вамъ въ душу въ утѣшеніяхъ благодатныхъ, семейственныхъ, дружественныхъ.... все освящаетъ вѣра!

Мы ходимъ въ сіи дни къ Богослуженію; сія недѣля назначена здѣсь для говѣнія; на первой недѣлѣ были у насъ классы. На Пасхѣ же должны приготовляться къ испытанію, которое Михайло Михайловичъ ¹⁾ положилъ здѣлать намъ на Өоминой недѣлѣ, самъ, и съ особеннымъ вниманіемъ, какъ говорили намъ наши профессеры. Онъ сиѣшитъ окончить наше здѣшнее образованіе, и положилъ отправить насъ, если можно будетъ, еще въ Августъ сего года: впрочемъ это сказано намъ *подъ секретомъ, потому что* зависитъ еще отъ Высочайшаго утвержденія.—Государь Императоръ отправится къ арміи на Өоминой недѣлѣ. О дѣлахъ съ Персією ничего болѣе не слышно.—Здѣсь, по городу, ходитъ корь, особенно по нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ, съ которыми посему запрещается имѣть сообщеніе.—О дѣлѣ секретаря консисторіи и объ его участи ничего болѣе не говорятъ; когда оно началось, весь городъ толковалъ объ одномъ; теперь всѣ замолчали.

Весна началась здѣсь довольно рано; снѣгу давно уже нигдѣ не видно; и погода стоитъ большею частію ясная и теплая; только настоящая недѣля нѣсколько ненастна. По крайней мѣрѣ желаемъ и надѣемся ясныхъ дней на Пасхѣ: особенно позволено этого желать намъ, пріѣзжимъ, и не

или кто-нибудь изъ русскихъ удѣльныхъ князей, неоднократно нападавшихъ на него.

¹⁾ Сперанскій.

имѣвшимъ еще удовольствія видѣть здѣсь весеннюю Пасху; прошедшая была такъ холодна и ненастна, что должно было сидѣть только въ комнатахъ, желать при такомъ свѣтломъ праздникѣ и ясныхъ дней есть слабость простибельная. Зима особенно была скучна для насъ, и потому что наши комнаты, въ которыхъ должно сидѣть въ такое время, не представляютъ большого простора; и мы не скроемъ, что желали бы отправиться отсюда поскорѣе, такъ чтобы не проводить другой зимы въ сихъ стѣнахъ.

Свидѣтельствуя глубочайшее почитаніе и преданность, честь имѣютъ пребыть Вашего Сіятельства, Милостивая Государыня! покорнѣйшіе слуги:

Василій Знаменскій
Константинъ Невольинъ.

Апрѣля 9-го
1829-го года.

10.

Достопочтеннѣйшій Другъ!
Михаилъ Владимировичъ!

Поздравляя Васъ съ наступающимъ великимъ Праздникомъ Пасхи и желая встрѣтить и провести его въ радости,—надѣюсь, что Вы извините меня, если я, и по недостатку новаго, и по прежнему моему обычаю, не пишу къ Вамъ особеннаго письма ¹⁾, притомъ же, какъ уже сказано, Вы не любите считаться въ строчкахъ и страничкахъ и пр., и такъ я съ этой стороны спокоенъ. Много благодарю Васъ за сообщенныя Вами новости, изъ коихъ нѣкоторыя пріятны, а всѣ интересны; желалъ бы я только не видѣть тутъ этихъ объясненій въ разсужденіи упрековъ и неупрековъ, къ которымъ, правда, я же самъ подалъ поводъ, но ненамѣренно: впредь буду остерегаться отъ того.

Остаюсь истинно почитающимъ и любящимъ Васъ другомъ, готовый къ услугамъ Василію Знаменскій.

¹⁾ Письмо это написано на одномъ листкѣ съ предшествующимъ письмомъ къ матери графа

11.

Любезнѣйшій другъ!
Михаилъ Владиміровичъ!

Хотя я пишу къ Вамъ еще въ самой великій постъ, но какъ сіи строки Вы будете читать именно по утру перваго дня Пасхи, то—Христосъ Воскресе! Съ какимъ услажденіемъ Вы услышите уже восхитительныя слова отъ многихъ родныхъ и близкихъ, прежде нежели донесутся къ Вамъ и мои! Съ такою же пріятностію да отзовется въ сердцѣ Вашемъ и мое отдаленное привѣтствіе: Христосъ Воскресе! Торжество христіанское да исполнить Вашъ духъ небеснымъ веселіемъ, да совершится Вами въ радости Ангельской!—Благодарю Васъ покорнѣйше за немногія, но точныя извѣстія о Московскомъ Университетѣ. Безъ сомнѣнія Вы не откажетесь и еще написать что-нибудь, когда узнаете,—такъ какъ и я съ удовольствіемъ удовлетворилъ бы любопытствующихъ знать о распоряженіяхъ Синода касательно устройства внѣшняго состоянія блага Духовенства, еслибъ самъ что-нибудь зналъ болѣе и опредѣленнѣе, и безъ сомнѣнія увѣдомлю, или увѣдомимъ если узнаемъ и малѣйшую мелочь.

Вашъ покорнѣйшій слуга

К. Неволинъ ¹⁾.

12.

Достопочтеннѣйшій Другъ!
Михаилъ Владиміровичъ!

Поздравляя Васъ съ приближающимся днемъ Вашего Ангела, желаю Вамъ отъ всей души, что бы Ангелъ Божій не преставаля руководить Васъ во всѣхъ дѣлахъ Вашихъ и во всѣхъ путяхъ жизни, и что-бы Вы, укрѣпляясь душою и возрастая предъ Богомъ и людьми во всемъ добромъ, укрѣплялись и тѣломъ, *ut sit mens sana in corpore sano*, особенно на труды, Вамъ еще подлежащіе.—О своемъ здоровьѣ мнѣ говоритъ нечего; доселѣ Богъ милуетъ; но кромѣ этого я чувствую еще благодѣтельное вліяніе весны на тѣло и душу

¹⁾ Письмо это написано на одномъ листкѣ съ двумя предшествующими.

вмѣстѣ—чувствую себя бодрѣ и веселѣ, и пр. Погода стоитъ давно очень ясная, хотя бываетъ часто вѣтрено.—По поводу нашего экзамена, Вы начертили въ Вашемъ письмѣ цѣлую перспективу предположеній, перспективу прекрасную, но составляющую—одинъ только оптическій обманъ! Во-первыхъ—экзамена не было, и вѣроятно, еще долго не будетъ, кажется, до времени нашего отправленія—Мих. Мих. ¹⁾ непрестанно занятъ и не можетъ для этого найти свободнаго дня. Но еслибы и былъ теперь экзаменъ, то ни чуть не слѣдовало-бы, чтобы насъ уволили домой, потому что надлежало намъ еще продолжить занятія, особенно оставалось еще Уголовное Право, къ коему мы теперь приступили, и наука финансовая, далѣе—хотя бы мы и все кончили, но еще неизвѣстно, позволено-ли было-бы намъ ѣхать; если-бы и было позволено, то неизвѣстно, позволили-бы это домашнія обстоятельства; наконецъ—если-бы я и поѣхалъ (Константинъ Алексѣевичъ ²⁾ вѣрно не поѣхалъ бы), то рѣшительно долженъ себѣ отказать въ желаніи увидѣться въ Вами, и со всѣми этими столь знакомыми мѣстами. Ну, до чегоже я дошелъ. Извините, заболтался!

Пасха и у насъ не очень была весела, вопреки моихъ ожиданій, а на 3-й день былъ ужасный снѣгъ и слякоть. Когда мы были у Мих. Мих., онъ сказалъ намъ, что ему хочется отправить насъ въ Берлинъ къ октябрю, къ началу семестра. Между прочимъ сказалъ еще, что между тѣмъ предположилъ онъ приступить къ собранію въ такомъ же порядкѣ и всѣхъ древнихъ законовъ русскихъ, или всего, что можно найти относящагося къ законодательству—начиная съ самыхъ первыхъ памятниковъ до Уложенія (т. е. подъ его руководствомъ будетъ надъ этимъ трудиться 2-ое Отдѣленіе); это будетъ наше *jus antiquum*; историческое изложеніе, начиная съ Уложенія, представляетъ *jus medium*, а догматическій сводъ—*jus modernum*; у Государя—прибавилъ онъ—великія намѣренія. Къ вашему возвращенію—говорилъ онъ далѣе—мы можетъ быть это окончимъ, и пр. и пр. То, что уже здѣлано (т. е. послѣдніе два свода) онъ назвалъ между прочимъ *гигантскимъ трудомъ*; но если они здѣлаютъ и

¹⁾ Сперанскій.

²⁾ Невозинъ.

третье, то это дѣйствительно будетъ дѣло исполненное—у насъ, гдѣ никто еще доселѣ почти не притрогивался къ обработанію сей части, между тѣмъ какъ напр., въ Германіи надъ этимъ уже трудятся вѣка.—Недавно мы простились съ преосв. Филаретомъ ¹⁾, который ѣдетъ на сѣхъ дняхъ къ Вамъ—въ Москву, куда уволенъ до осени,—кажется, по разстройству здоровья. Онъ поговорилъ не много, и между прочимъ сказалъ намъ, что въ Берлинѣ введены прус. королемъ, послѣ того какъ былъ тамъ Александръ Павловичъ ²⁾, даже многіе обряды нашего Богослуженія, и вообще благочестіе и благочестивые люди особенно уважаются.—Что Государь съ Супругаю и Наслѣдникомъ отправились изъ С.-Петербурга—это не нужно сказывать; въ варшавскихъ вѣдомостяхъ уже сказано, что онъ будетъ въ Варшавѣ короноваться 12-го мая (т. е. сегодня, когда я пишу),—болѣе объ этомъ ничего не могу сказать. Недавно онъ здѣлалъ Павскаго ³⁾ придворнымъ протоіереемъ, гдѣ будетъ онъ первымъ послѣ оберъ-священника и духовника государя и виѣ череды, въ коей состоятъ прочіе протоіереи. Еще новость: профессорамъ Академій и Семинарій опредѣленъ мундиръ синодскій или комиссиейскій съ чернымъ воротникомъ бархатнымъ, но шитье, кажется, должно быть только у профессоровъ Академіи. Разумѣется, что носить мундиръ имѣютъ право только тѣ, кои идутъ въ свѣтское званіе и имѣютъ чинъ. Оберъ-прокуроръ синода уволенъ въ отпускъ на лѣто; его должность исправлять будетъ нѣкто Нечаевъ ⁴⁾, изъ 1-го отдѣленія канцеляріи Государя, статскій совѣтникъ.—Иванъ Выжигинъ ⁵⁾, кой столько надѣлалъ шуму и коего экземпляръ поднесенъ былъ Государю авторамъ—запрещенъ; о причинахъ не совѣмъ согласны; гово-

1) Митрополитъ Московскій.

2) Императоръ Александръ I.

3) Герасимъ Петровичъ (род 1787 г., ск 1863), протоіерей, выдающійся филологъ и гебраистъ; по окончаніи курса въ Петербургской Академіи, занялъ въ ней каѳедру еврейскаго языка.

4) Степанъ Дмитріевичъ, занимавшій въ 1833—1836 г. должность оберъ-прокурора Св. Синода. Сконч. въ 1860 г.

5) Названіе романа, написаннаго Ѡ В Булгаринымъ. Романъ этотъ чинилъ въ свое время большой успѣхъ и положилъ начало извѣстности Булгарина, какъ романиста

рять, будто поляки просили объ этомъ, будучи обижены не очень выгодными описаніями ихъ въ этой книжкѣ. Впрочемъ судить о книжкѣ предоставляю Вамъ самимъ, если еѣ имѣете, или читали,—я самъ еще не имѣлъ охоты прочитатъ, всю. Скажу Вамъ еще (хотя не подь статью—что дѣлать?), что о. Иннокентій ¹⁾ перевелъ „Разговоры между Псытующимъ и Увѣреннымъ о Греко-рос. церкви“ ²⁾—на польскій языкъ, и напечаталъ ихъ, съ позволенія автора. Къ слову: недавно я познакомился съ о. Иннокентіемъ и былъ у него—что для меня очень интересно—человѣкъ, коего послушать не скучно. Ну, вотъ, кажется, все наше новое.

Я готовъ уже былъ кончить письмо, какъ вдругъ узналъ, что назначено намъ испытаніе на сей недѣль, именно 16-го сего мѣсяца,—о чемъ и имѣю честь Васъ увѣдомить, а о послѣдствіяхъ послѣ напишу. Болѣе ничего на сей разъ сказать не могу. Желаю Вамъ наслаждаться лѣтними днями въ Вашей виллѣ, коей теперь завидую, сидя въ пыльномъ городѣ,—а Вы пожелайте успѣха доброму преданному Вамъ и готовому къ услугамъ Вас. Знаменскому.

13-го Мая 1829.

Константинъ Алекс. ³⁾ свидѣтельствуеть Вамъ тѣже добрыя желанія и тѣмъ же поздравленіями въ новыи Вашъ годъ.

13.

Любезнѣйшій Другъ!

Михаилъ Владиміровичъ!

Вы съ радостію, смѣхомъ и громкимъ пѣніемъ пустились въ путь въ пресловутыя (?) Каменки; а мы, несчастные, принуждены вздыхать подь бременами (не подь бременемъ) тысящей дѣль. Одинъ сдаетъ въ безконечность простирающіяся лекціи; другой требуетъ строгаго отчета въ нихъ; третій заставляеть ломать и безъ того уже сокрушенныя головы надъ разсужденіемъ, и теперь я перенесъ перо свое на сію бумагу отъ разсужденія; словомъ—всѣ какъ будто

¹⁾ Выше упоминавшійся Иннокентій Борисовъ, впоследствии архіепископъ Херсонскій.

²⁾ Авторъ этого сочиненія Филаретъ, митрополитъ Московскій

³⁾ Неволиня

бы согласилсь взваливать на насъ бремена тяжка и неудобоносіма ¹⁾, дабы совершенно насъ задавить. Можетъ быть ваше присутствіе здѣсь облегчило бы меня отъ тяготящихся бременъ.

Но это отложимъ теперь въ сторону. Теперь позвольте съ вами стязатися о Дмитровѣ? Что значать эти едва не ускользающія отъ взора письма, коими вы пишете его? То-ли, что онъ столь же мелокъ въ кругу гражданственности, сколь мелокъ онъ на вашемъ письмѣ? Но прошу заглянуть еще разъ въ Статистическій словарь Рос. Имперіи, найденный вами между книгами; я увѣренъ, что онъ въ немъ вамъ явится облеченнымъ въ такое величіе и блескъ, въ коемъ вовсе исчезнутъ ваши высящіяся и ширящіяся Каменки. Или то, что онъ смиренно таятся въ низкой юдоли, тогда ваши Каменки, гордо возвышающіяся на каменныхъ высотахъ, хотятъ владычествовать надъ всѣмъ окружающимъ ихъ? Но мнѣ теперь приходитъ на мысль одно острое изреченіе, помнится, Сенеки: Карло малъ и на горѣ, а исполнѣнъ великъ и въ ямѣ. Каково же я подвизаюсь за честь своего Дмитрова!

Въ заключеніе благодарю васъ чувствительнѣйше за письмо; оно разсѣяло нѣсколько головоломныя мысли и доставило стѣсненному сердцу моему величайшее удовольствіе. Желаю вамъ проводить *время въ деревнѣ* какъ можно веселѣе и наслаждаться всѣми сельскими удовольствіями. Простите! Остаюсь въ ожиданіи скоро увидѣться съ вами покорный вашъ слуга И. Платоновъ.

Академія

1829 года.

Юля 9 дня.

14.

Любезнѣйшій Другъ!

Михаилъ Владиміровичъ!

Съ неудобоиzglаголанною многоблагодарностью имѣлъ я благодарованіе получить отъ Васъ то по силѣ — поднятое великопочитаніе, каковое только помѣстилось на праведномъ

¹⁾ Извините, невольно попадаютъ подъ перо тексты послѣ разсужденія—и пишутся ремарки. *Прим авт*

мѣрилъ своего сосѣдшки—друга. Не желая оставаться въ долгѣ, а паче отъ избытка любви и благодарности, съ своей стороны я маленькому, какъ Птишниначю, моему шсь-меду, заповѣдваю вознестъ къ Вамъ такое высоко—почитаніе, каковаго да не умѣстятъ ни Каменки, ни самъ пресловутый Дмитровъ, съ присоединеніемъ всѣхъ благожеланій

Покорный Вашъ слуга
Яковъ Баршевъ ¹⁾.

15.

Почтениѣйшій и любезнѣйшій Другъ!
Михаилъ Владиміровичъ!

Вы думаете, что нашъ экзаменъ давно окончился—поднитесь же: онъ и теперь еще продолжается, и продолжится до конца мѣсяца, то есть, до вакацій,—до нашей поѣздки, однимъ словомъ—до нашей поѣздки домой, домой—любезнѣйшій Михаилъ Владиміровичъ! Наконецъ-то объ этомъ спросили при удобномъ случаѣ, и намъ это легко позволено—ѣхать на мѣсяцъ, къ коему можемъ еще прибавить нѣсколько дней. Но я заговорилъ было объ экзаменѣ—такъ возвратимся же къ нему. Экзаменъ нашъ производится въ канцеляріи Михаиломъ Мих. ²⁾ Михаиломъ Андр. ³⁾ и тѣми, кои преподавали намъ уроки. Не подумайте однако же, чтобы насъ въ самомъ дѣлѣ цѣлый мѣсяцъ экзаменовали—а вотъ отъ чего онъ такъ длится: назначаютъ только по одному дню въ недѣлю, потому что болѣе не имѣютъ времени—и такъ теперь испытаніе было по 4 дня, каждый день отъ 7 до 10 часовъ вечера, иногда и далѣе. Въ 1-ый разъ испытывали по Русскому Гражд. Праву (или Земскимъ Законамъ, какъ называетъ ихъ Мих. М. ⁴⁾), во 2-ой по Полит. Экономіи, въ 3-ий по Русскому Публичному Праву, а послѣдній разъ—по Римс. Праву, изъ коего впрочемъ только часть еще спросили, а для остальнаго по тому же предмету еще

¹⁾ Письмо это написано на одномъ листѣ съ предыдущимъ письмомъ Платонова.

²⁾ Сперанскимъ.

³⁾ Балугьянскимъ.

⁴⁾ Сперанскій.

назначенъ будетъ день, потомъ по языкамъ, и, кажется, только; (еще оставалась бы Истор. часть Руск. законовъ и всеобщ. Исторія—но объ нихъ уже не упоминаютъ—и такъ можетъ быть оставить это). Слава Богу! мы получаемъ одобренія, какихъ болѣе и желать не могли, и особ. въ послѣдній разъ; довольны были вмѣстѣ и по самому предмету, и по Лат. языку, на коемъ мы отвѣчали; (отвѣчать надобно было не по выученному, а только по вычитанному) замѣчательно, что и Мих. Мих. говорилъ при семъ на Лат. языкѣ, хотя ему надлежало бы давно уже отвыкнуть отъ онаго. Мих. Мих. оказалъ намъ весьма лестные знаки своей благосклонности; а Михаилъ Андреевичъ ¹⁾ почти прыгаль (онъ человекъ очень живой, и не могущій скрывать своихъ движеній, *treuherzig*) повторяя, что невозможно было и ожидать этого, и пр. (Пишу къ Вамъ откровенно, и даже слишкомъ заговорился, будучи увѣренъ, что Вы не примите этого въ худую сторону, но порадуетесь, какъ другъ: впрочемъ не желалъ бы, чтобъ это было *публикуемо, какъ написано*). Теперь объ экзаментъ, кажется, все сказано.—Кромъ этого мы должны еще пройти Угол. Право, и кончить до поѣздки домой, по этому должны были имъ заниматься и между экзаменами. Еще остается часть Науки о финанс., кою также должны кончить—до поѣздки. Теперь поговоримъ о постороннемъ. Можете, между прочимъ, замѣтить, какъ самолюбіе дѣйствуетъ въ насъ, даже безъ нашего вѣдома; всегда почти случается мнѣ писать напередъ о своихъ дѣлахъ, и потомъ уже о другихъ, хотя и болѣе интересныхъ; само перо или рука такъ распоряжаются. Это мимоходомъ.—Недавно—по донесенію Адм. Грейга—одинъ бриггъ Руской будучи застигнутъ при крейсированіи двумя линейными кораблями Тур. 104 пуш. и 72 три. послѣ сраженія съ ними продолжавшагося около 4-хъ часовъ, заставилъ ихъ удалиться—дѣло доселѣ неслыханное въ лѣтописяхъ морскихъ державъ—такъ выражается Адмиралъ въ своемъ донесеніи къ Государю. Бриггъ сражался противъ силы болѣе нежели во 20 разъ превосходнѣйшей. Но Вы сами это читаете. Но что важнѣе—сей часъ почти распространилось извѣстіе (хотя не офиц.—впрочемъ вѣрное), что нашъ Дибль раз-

¹⁾ Балугьянскій

билъ на голову армію Турец. подъ начальствомъ вел. визиря, коего успѣлъ отрѣзать отъ Шумлы и окружить—число Турецкихъ войскъ полагають за 20,000 и даже до 40000, но пошлнно объ этомъ еще не знаемъ; 40 пушекъ взято, и нашихъ пало, говорятъ, до 4000.—Государь въ Берлинѣ, какъ извѣстно и Вамъ конечно; сюда ожидаютъ его къ 1-му іюля. Не знаю, что еще сказать: здѣсь много шуму надѣлата выставка мануф. издѣлій—она того и стоила; но что мнѣ сказать объ ней, болѣе того, что пишутъ въ газетахъ? Бывши на ней два раза, я едва успѣлъ все пробѣжать глазами—а мнѣ ли судить?—И такъ желаю Вамъ благополучно кончить вашъ домашній курсъ ученія и вступить въ новый (а математика, хотя любите её, хотя нѣтъ—все таки, думаю, необходима) и за симъ остаюсь съ чувствами прежней дружбы

Вашъ преданный и готовый къ услугамъ

Василій Знаменскій.

Іюня 10

1829-го года.

16.

Ваше Сіятельство!
Любезнѣйшій Другъ
Михаилъ Владиміровичь!

Не имѣя ничего особеннаго (послѣ Василія Потаповича ¹⁾) писать къ Вамъ, я свидѣтельствую только Вамъ сими строками мое искреннее почтеніе и сердечную любовь, съ какими всегда пребываю къ Вамъ.—Да! Вотъ самая новая новость—для насъ: на нынѣшній день въ 12 часовъ ночью у насъ скончался профессоръ Естественнаго Права Лодій ²⁾.—За симъ честь имѣю быть Вашъ покорнѣйшій слуга Константинъ Неволинъ.

1829 г.

11 іюн.

С.-ПБг.

¹⁾ Знаменскаго

²⁾ Петръ Дмитріевичъ, родомъ изъ Венгріи Онъ былъ профессоромъ „любомудрія умозрительнаго и рос. языка“ въ львовскомъ и краковскомъ университетахъ и въ 1803 г. вызванъ былъ въ Россію. Здѣсь назначенъ профес. въ педагогическій институтъ; по преобразованіи института въ университетъ, получилъ кафедру Естественнаго права

17.

Любезнѣйшій другъ
Михаилъ Владиміровичъ!

Если вы находите основаніе благодарить меня за гощеніе мое въ вашихъ Каменкахъ; то какую долженъ я приносить вамъ благодарность, я, который пользовался симъ гощеніемъ, и наслаждался всѣми прелестями вашего обязательнаго гостепріимства? Мое пребываніе въ вашихъ Каменкахъ, не смотря на враждовавшую природу, можетъ быть, составить самое пріятнѣйшее время во всей вакаціи.

Благодарю васъ за новости, которыя вы сообщали мнѣ. Онѣ всѣ занимательны были для меня, хотя нѣкоторыя изъ нихъ были уже возглашены стоустою въ юдоли Дмитрова нашего и прежде вашего письма. Жалѣю о судьбѣ отца Евграфа ¹⁾; дай Богъ, чтобы въ Голутвинской пустынѣ онъ возрастилъ плоды покаянія и воздержанія, и чтобы сіе заточеніе не было совершеннымъ, конечнымъ отлученіемъ.

Но, кажется, сынь Юпитера проходя съ побѣдами Индію, главнымъ образомъ и претворялъ пустыни въ поля воздѣланныя—въ виноградники. Къ стати—объ Александрѣ Родіоновичѣ ²⁾. Не извѣщалъ ли васъ еще о расположеніи духа своего? Не приняли-ли столь утѣшительной для каждаго благомыслящаго (?) рѣшимости противостоятъ въ семь случаевъ убѣжденію Пр...? Или сердце его само собою уже преклонилось подъ мрачный крепъ и Преосвященному осталось токмо довершить сіе добровольное его предначинаніе? Но что много думать о семь? испытуй сердца и утробызнаетъ располагать и мѣльчайшими движеніями сердца человѣческаго.

Знаете-ли, что я читаю Ивана Выжигина. И теперь, когда я небрежно начертываю сіи строки отвыкшею рукою, на семь самомъ столикѣ, рядомъ съ валнимъ письмомъ красуется онъ золотою оболочкою, съ одного сіяющею именемъ Ѡ. Бул-

¹⁾ Евграфъ Казавцевъ-Платоновъ, магистръ VI курса Московской Академіи, іеромонахъ; по окончаніи курса былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ. Но за крѣпкую привязанность къ хмѣльнымъ наиткамъ былъ скоро лишенъ духовноучебной службы. Сконч. въ 1833 г. въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ на поковъ.

²⁾ Сергіевскій, магистръ V курса Московской Академіи, по окончаніи курса состоялъ бакалавромъ въ той-же Академіи. Сконч. въ 1834 г. священникомъ церкви Адріана и Наталіи, въ Москвѣ.

гарниа, а съ другого 15 руб. Прочиталъ уже двѣ части; двѣ послѣднія ожидаю; жаль, что не раздѣляю съ вами по привычкѣ чтеніе новаго произведенія Русской Литературы; тогда удовольствіе возрасло бы на сколько-нибудь степеней.

Англійскій языкъ все еще кажется лѣсомъ; впрочемъ надобно какъ нибудь продирааться сквозь чашу его, надобно какъ нибудь если не расплетать, по крайней мѣрѣ разсыкать сплетшіяся вѣтви; дабы потомъ вытти на свѣтлую долину вѣдѣнія. Желаю вамъ усердно успѣховъ на поприщѣ Еврейской Литературы и вмѣстѣ съ учеными раввинами проникнуть и въ небывалыя ея таинства.

Желаю вамъ между тѣмъ проводить вакацію во всякомъ веселеніи и радости. Не оставляйте нашей Академіи. Не ужасайтесь мертвенной пустоты ея. Берите журналы, читайте и за меня и за себя. Прощайте!

Дмитровъ.

Вашъ И. Платоновъ.

1829 года

іюля 25 дня.

18.

Ваше Сіятельство!

Милостивая Государыня!

Священною для меня обязанностію почитаю поздравить Васъ со днемъ Вашего Ангела; отъ всего моего сердца желаю Вамъ при семь случаѣ всякаго блага и счастья, какъ временнаго и настоящаго, такъ еще болѣе—духовнаго и вѣчнаго.

Изъ нашихъ товарищей остаюсь только я одинъ въ Петербургѣ, всѣ прочіе отправились въ дома. И я могъ бы ѣхать въ свою Вятку; но представивъ, что взадъ и впередъ мнѣ наджело бы проѣхать болѣе 3,000 верстъ, что дома мнѣ осталось бы гостить только около трехъ недѣль, что по пріѣздѣ въ Петербургъ надобно опять предпринять сухимъ путемъ—такъ сначала намъ было объявлено—не очень близкую дорогу до Берлина, болѣе 1,000 и можетъ быть около 1,500 верстъ,—я не безъ грусти долженъ былъ отказаться отъ пріятнѣйшаго удовольствія—видѣться съ своими родными, хотя вѣрно и еще не увижусь около 2-хъ или 3-хъ лѣтъ. Пусть будетъ тѣмъ пріятнѣе будущее свиданіе!—Одному жить, разумѣется, и въ столицѣ Россіи — иногда не безъ скуки. Провожу свое время, какъ обыкновенно студенты проводятъ вакацію, т. е. какъ удастся: разгуливаю

по городу, по его окрестностямъ, хожу къ своимъ, какіе есть, знакомымъ, принимаю, кто есть, къ себѣ; иногда загляну и въ книгу и пр. и пр.

О насъ—о нашихъ экзаменахъ, о нашемъ пути въ Берлинъ, о наградахъ нѣкоторымъ нашимъ наставникамъ и пр. доселѣ еще не было докладываемо Государю; на дняхъ только будетъ представлено о всемъ этомъ. Михаилъ Махапловичъ¹⁾ рѣшился отправить насъ въ Берлинъ не сухимъ путемъ, какъ думалъ прежде, а моремъ на пароходѣ—сколько по дешевизнѣ сего способа переѣзда, столько по удобствамъ и скорости онаго,—въ концѣ августа или въ самыхъ первыхъ числахъ сентября. „Въ чужихъ краяхъ“, онъ сказалъ, „вы не пробудете болѣе двухъ лѣтъ; здѣсь вы намъ очень нужны“. Теперь онъ сочиняетъ инструкцію для насъ—для нашихъ занятій въ чужихъ краяхъ.

На дняхъ ожидаютъ въ Санктпетербургъ Персидскаго Принца: въѣздъ его будетъ торжественный; для его пребыванія назначенъ Таврической Дворецъ; для перваго его представленія Государю отъ сего дворца до Зимняго установится гвардія въ рядахъ, среди коихъ Принцъ и поѣдетъ къ Государю; предъ зимнимъ дворцомъ будутъ разложены подарки, назначенные для Принца—на семь сотъ тысячъ рублей: такъ говорятъ!—Я слышалъ отъ челоуѣка достовѣрнаго.

За симъ пребывая съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ, честь имѣю быть

Ваше Сіятельство!

Милостивая Государыня!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Константинъ Неволинъ.

Санктпетербургъ.

1829 года

23 іюля.

19.

Ваше Сіятельство!

Любезнѣйшій Другъ!

Михаилъ Владиміровичъ!

Кажется, давно, я у Васъ въ долгахъ. Что дѣлать? не выхожу изъ долговъ,—и то хорошо, что до времени не объявляю себя банкротомъ—и вотъ Вамъ въ оплату недоимокъ

¹⁾ Сперанскій.

сін строки.—1-го іюля гулялъ я на Елагиномъ островѣ вмѣстѣ съ прочимъ Петербургомъ. Это гулянье отъ Екатериногофскаго, которое я описывалъ Вамъ съ такимъ удовольствіемъ, отстоитъ какъ небо отъ земли. Вздять всего болѣе водою. Надобно имѣть только понятіе о Петербургскихъ островахъ, образуемыхъ рукавами Невы, чтобъ представить себѣ приятность сей дороги, извивающейся среди острововъ прелестнѣйшихъ въ свѣтѣ. Дачи, сады, рощи повсюду представляютъ глазамъ, манять къ себѣ, любуются играютъ на зѣркалѣ водѣ; природа лелеется въ своей весенней свѣжести, на рѣкѣ движеніе, жизнь,—лодки, катеры стараются опередить другъ друга. Самое гулянье, самый островъ Елагинъ!—Здѣсь точно предсталъ Петербургъ во всей своей пестротѣ. Народа нѣшаго и въ каретахъ—бездна, Россіяне, Нѣмцы, Французы, Чухны съ большими шляпами, Персіяне, Турки и пр. и пр. Громкая военная музыка; заунывные русскія пѣсни; аллеи, ручейки, во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывающія островъ; густая тѣнь древесная; цвѣточный лугъ; благоразтворенный воздухъ—напишите въ Вашемъ воображеніи изъ всего этого картину и Вы вѣрно позавидуете моему петербургскому наслажденію. Около 8-го часа всходилъ по канату одинъ иностранецъ—на высоту удивительную,—канатъ былъ протянутъ отъ земли на березу, едва-ли ниже самой высокой въ Пафнютьевскомъ саду. Въ 11-ть часовъ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ.—Въ коронацію обѣщаютъ намъ въ Петергофѣ еще болѣе блистательное гулянье; говорятъ, что вѣрно тамъ для сего устроить фейерверкъ въ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Знатно! Неудобно ли Вамъ посмотрѣть на Петербургское веселье?—Прощайте!

Преданнѣйшій Вамъ Константинъ Неволнинъ.

С.-Петербургъ.

1829 г. 23 іюля.

В. Протопоповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
